

Not For Citation

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ КРУГОВ ЯПОНИИ И РОССИИ О МОНГОЛИИ: ДО И ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ 1911 ГОДА

Ойдов Батбаяр,
Центр славянских исследований
Докторант Хоккайдского университета

Введение

Цель настоящего доклада заключается в освещении взглядов и представлений военных кругов Японии и России относительно Монголии периода провозглашения её независимости в 1911 году на основе изучения исследований, проведенных представителями российских и японских военных кругов. Иными словами, для автора важным являлся обзор взглядов и представлений, господствовавших в военных кругах обеих держав, которые сыграли важную роль в судьбе Монголии в упомянутый период времени. Выбор данного периода является неслучайным, так как именно в этот период времени военные представители Японской и Российской империй начали активно изучать географию, экономику и внутривосточную ситуацию Монголии. Особенного упоминания заслуживают русские военные востоковеды, которые сыграли исключительно важную роль в формировании общественного мнения в России относительно Монголии.

В последнее время, тема «русского военного востоковедения» привлекает все большее внимание историков-востоковедов. Это обусловлено тем, что до сих пор недооценивалось существование «русского военного востоковедения» как самостоятельно оформившегося направления в востоковедении, хотя именно русские военные востоковеды сыграли важную роль в исследованиях Азиатской России и сопредельных с нею стран Востока, в том числе и Монголии. Об уникальности «русского военного востоковедения» российский исследователь Басханов пишет, что «подобного общественного института, а в более широком смысле - культурологического явления, не было ни в одной европейской стране, ни в США, проявлявших свои стратегические интересы на Востоке».¹

Полностью соглашаясь с оценкой российского исследователя, хотелось бы добавить ещё одну страну – Японию, которая проявляла не меньшие, по сравнению с остальными державами, интересы в стратегическом плане на Востоке, в частности в Северо-Восточной Азии. Хотя и в Японии не существовало подобного России

---

¹ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. 2005, М., стр.5.

«военного востоковедения», японские военные специалисты также серьезно изучали «Восток», в том числе и Монголию, в силу геополитических интересов Японии на Дальнем Востоке и материковой части Азии. Следовательно, серьезного внимания заслуживает вопрос исследования взглядов и представлений военных кругов Японии, являвшейся одной из главных «конкуренток» России на международной арене в вопросах Дальнего Востока и материковой Азии. Исходя из того, что военные специалисты обеих держав изучали и исследовали «Восток», у нас есть возможность провести сравнительный анализ их взглядов и представлений по отношению к «восточным народам», в том числе и к Монголии. Возникают закономерные вопросы: «Какие представления имели сами военные Японии и России о Монголии, хорошо ли они были осведомлены о событиях, происходивших в Монголии, и какова была позиция у военных кругов обеих держав по отношению к Монголии?»

В российской историографии советского и постсоветского периодов «представление русских военных о Монголии» в основном рассматривается в контексте: «Монголия в общественном мнении России». ² В этом контексте можно получить некоторое представление о взгляде российских военных кругов на Монголию. Характеризуя состояние японской историографии по данной проблеме, следует отметить, что деятельность военных кругов Японии в рассматриваемый период обсуждается в контексте «Ман-Мо докуруцу ундо», что в переводе на русский означает «Движение за независимость Маньчжурии и Монголии». ³ Но когда речь идёт о «Ман-Мо докуруцу ундо», мы должны помнить, что оно ограничивается районами лишь Внутренней Монголии, исключая Внешнюю Монголию. Кроме того, эта тема упоминается также в контексте «Тайрику синсюцу» («Продвижение на материк») в ряде исследований, которые освещают деятельность Японской армии. ⁴ Но следует отметить, что в этих работах отсутствует конкретное и детальное изучение взглядов и представлений военных кругов относительно Внешней Монголии, и в основном, речь идёт о Восточной Монголии (Внутренняя Монголия).

В целом, рассматривая изученность данной темы, можно сказать что, к

---

² Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX - начале XX веков. Иркутск, 1994. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно - политической жизни России. Иркутск, 1994. Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века. М., 1997. Он же. Россия и Монголия (1911-1919 гг.) М., 1999. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. РАН. М., 2001. Лузянин С. Г. Россия-Монголия - Китай в первой половине XX в. М., 2000.

³ 波多野勝『満蒙独立運動』PHP新書、2001年。(Хатано Масару. Движение за независимость Маньчжурии и Монголии. Токио, 2001. на япон. яз.)

⁴ 防衛庁防衛研究所戦史部編『関東軍<1>』朝雲新聞社、1969年。(Научно-исследовательский институт Управления обороны Японии. Квантунская армия. Т.1. Токио, 1969. на япон. яз.)

сожалению, «представления и взгляды военных кругов Российской и Японской империй относительно Монголии» не были освещены в качестве предмета для отдельных исторических исследований, хотя в вышеупомянутых исследованиях постоянно упоминались и отмечались взгляды военных представителей обеих государств. Особенно, в российских исследованиях постоянно подчеркивалось, что Япония внимательно следила за событиями, происходившими в Монголии, но этот тезис почти не был укреплен фактами или японскими архивными документами. Таким образом, слабая изученность данной темы требует более детального изучения материалов первоисточников.

База первоисточников данной темы достаточна обширна и многогранна. Она включает в себе архивные документы, исследовательские работы и заметки русских военных востоковедов и военных деятелей Российской империи.⁵ А японские источники, в основном, представлены в виде всего лишь архивных документов, по вышеупомянутой причине – отсутствия «японского военного востоковедения». В этом заключается разница и особенности японской и российской историографий данной темы. С одной стороны, труды русских военных исследователей, где уже сделаны самими авторами анализы и выводы, которые содержат в себе почти готовые «представления» о Монголии. А с другой стороны, японские документы, состоящие из рапортов и донесений военных чинов Японии или отчётов Генштаба Японской армии, где почти отсутствуют какие-либо выводы или мнения относительно Монголии. Такая разница источниковой базы не затрудняет изучение данной темы, а, наоборот, дополняя друг друга, предостерегает исследователей от однобокого анализа и односторонних умозаключений. В данной работе автор попытался использовать, кроме исследовательских трудов русских военных востоковедов, японские первоисточники, которые отражают представления военных кругов Японии.

1. Русское военное востоковедение и Монголия.

На фоне возрастающего интереса к истории «русского военного востоковедения», интерес к русским военным исследователям, которые посвятили себя изучению Монголии, является вполне естественным. Но прежде чем приступить к

---

⁵ Баранов А. Барга и Халха. Харбин, 1905. *Он же*. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии. Харбин, 1906. *Он же*. Наши торговые задачи в Монголии. Харбин, 1907. *Он же*. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907. *Он же*. Словарь Монгольских терминов в 2-х томах. Харбин, 1907, 1910. *Он же*. Урянхайский вопрос. Харбин, 1913. Куропаткин А. Н. Русско-японский вопрос. СПб., 1913. Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912. Кушелев Ю. Монголия и «монгольский вопрос» СПб., 1912. Болобан А. П. Монголия: В её современном торгово-экономическом отношении. Петроград, 1914.

рассмотрению деятельности русских военных монголоведов, нам надо сначала выяснить: «Что представляет собой «русское военное востоковедение»?» О становлении и развитии русского военного востоковедения, российский исследователь Басханов, автор нового исследования, выпущенного в 2005 году, пишет следующим образом:

«Становление военного востоковедения происходило параллельно с расширением территориальных владений Российской империи в Азии. Два фактора имели принципиальное значение для развития военно-востоковедческих исследований – *военно-стратегический* (выход России к границам сопредельных азиатских государств, военно-политическое соперничество мировых держав Азии, потребность стратегического планирования и подготовки войск для азиатских театров военных действий) и *военно-административный* (обеспечение системы «военно-народного управления» территориями на Кавказе, в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке, военно-статистическое и естественно-научное исследование азиатских территории и народов).»⁶

А монголоведческие исследования в рассматриваемый нами период, в основном, были направлены на решение задач военно-стратегического характера Российской империи. Таким образом, монголоведческие исследования русских военных востоковедов подпадают как раз под первый фактор. Это было обусловлено прежде всего с изменениями международного положения на Дальнем Востоке и материковой Азии после русско-японской войны 1904-1905 гг. В июле 1907 года состоялось подписание русско-японской политической конвенции. Эта политическая конвенция разграничивала сферы влияния России и Японии в Маньчжурии: Россия признала Северную Маньчжурию и Корею сферами влияния Японии, а Япония, со своей стороны, признала Северную Маньчжурию сферой влияния России. Кроме того, по данной конвенции Япония признавала «специальные интересы» России в Северной и Западной Монголии и обязывалась там воздерживаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам. Россия, в свою очередь, принимала такое же обязательство в отношении Внутренней Монголии, которая стала сферой влияния Японии. Таким образом, до Синьхайской революции и провозглашения независимости Монголии в 1911 году, Монголия и Маньчжурия были уже поделены на сферы влияния двух держав. Но нормализация отношений между Россией и Японией носила главным образом дипломатический характер. В действительности, интересы обеих держав на

---

⁶Басханов М.К. Указ.соч., стр.5.

материковой Азии, так или иначе требовали не только пристального взаимного внимания, но и изучения, сбора информации о территориях, подпадающих под сферы влияния, включая и Монголию.

Во время и после русско-японской войны интерес русских военных к Монголии, в целом, сосредоточился на изучении территории Восточной Монголии, а после провозглашения независимости Монголии 1911 года – на изучении Внешней Монголии. Именно с этого времени начал активно обсуждаться вопрос: «Чем она является для России в военно-стратегическом плане?»

Интерес русских военных к Восточной Монголии подпитывался русско-японской войной и её последствиями. В одной из серий исследований по Маньчжурии и Монголии под общим названием «Материалы по Маньчжурии и Монголии», которые были опубликованы штабом ЗОПС (Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи) подчеркивается, что «наши неудачи в Маньчжурии и передача наилучшей её части японцам, заставили русское общество в последнее время обратить свое внимание на соседнюю нам Монголию». ⁷ Судя по сериям работ по Маньчжурии и Монголии, которые были изданы штабом ЗОПС, можно предположить, что в развитии изучения Восточной Монголии огромную роль сыграл ЗОПС. На Заамурский округ пограничной стражи была возложена разведывательная деятельность Приамурского военного округа. ⁸ Среди вышеуказанных серий трудов особо выделяются работы штабного офицера разведки ЗОПС Баранова (1865 - 1926, полковник из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии, участник похода в Китай (1900-1901) и русско-японской войны (1904-1905)), который побывал по заданию штаба ЗОПС-а дважды в Халхе и в северо-восточных районах Внутренней Монголии. Он, по оценке Басханова, «в русской армии по праву считался одним из ведущих специалистов-монголоведов». ⁹ Американский исследователь Вульф пишет, что в январе 1907 г. Баранов представил на имя министра финансов Коковцова секретную записку о необходимости усиления русского влияния в Монголии. ¹⁰ Там Баранов высказывает мысль о необходимости учреждения специальной русско-монгольской школы и издания газеты на монгольском языке. Вполне возможно, что на такую мысль Баранова подтолкнули действия японцев, которые начали печатать учебники на монгольском языке для Харачинского князя. Перевод

---

⁷ Монголия-Джеримский сейм. изд.штаба ЗОПС. Харбин, 1906, стр.9.

⁸ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая. Т.2., М.,1998, стр.208.

⁹ *Басханов М.К.* Указ.соч. стр.26.

¹⁰ David Wolff, *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914.* (Stanford: Stanford University Press, 1999), p.156.

на русский язык этих учебников и комментарии по ним были изданы ЗОПС, на основе которых были сделаны соответствующие анализы и выводы.¹¹ Это было также одним из проявлений «соперничества», существовавшего между Россией и Японией относительно материковой Азии. Каким же было представление о Монголии у Баранова? Он пишет о представлении русских о Монголии того времени, что «ещё не так давно, да и теперь еще у многих, о самой Монголии имеются весьма скудные представления, у большинства русских она считалась провинцией Китая, как одна из областей, как составная часть Срединной Империи».¹² Однако автор пишет, что непосредственное знакомство с Монголией понемногу стало освобождать от ложных представлений о ней. По изложению Баранова: «Монголия представляет из себя полусамостоятельное государство, не покоренное Китаем, а связанное с ним единством династии, правящей и в Монголии и в Китае. Монголия имеет своих полновластных наследственных родовых князей – правителей, действующих в своих княжествах вполне самостоятельно».¹³ Этот тезис о Монголии, сделанный Барановым, почти не встречается в остальных трудах монголоведов-современников Баранова, хотя очень точно отражает действительное положение Монголии того времени. Такому реальному пониманию положения, сложившегося в Монголии, Баранову помогли поездки в Монголию, одну из которых он сам оценивает, что она : «оказалась очень удачной, так как дала возможность стать лицом к лицу с местной монгольской жизнью, ознакомила и с их бытом и с вопросами их политической жизни, в том виде как она развивается на самом деле, а не в дипломатической окраске китайских и наших чиновников».

А тем временем в 1905 году, в северной Монголии, хорошо известный учёный-монголовед капитан Козлов (1863-1935, впоследствии генерал-майор, востоковед, географ и археолог с мировым именем) по заданию генштаба находился в Монголии и встречался с Далай-ламой, который находился в Монголии. Он во время встречи должен был выяснить вопрос: «В чем состоит помощь России по отношению к Тибету и Далай-ламе?», и заодно «исследовать Монголию в пределах Гобийской пустыни с чисто военной точки зрения: преимущественно современное положение и настроение».¹⁴ И Козлов в своей «Докладной записке» высказывает мысль, что «России необходимо использовать соседство с Далай-ламой». Козлов наряду с осуществлением научных изысканий и военных заданий, также выполнял

---

¹¹ Монгольские учебники. изд. штаба ЗОПС, Харбин, 1908. (пер.с монг.языка.)

¹² Баранов А. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907, стр.1.

¹³ Там же. стр.5.

¹⁴ АРГО (Архив Российского географического общества) Ф.18. [Учёный архив Козлова П.К.] оп.2, д.94. «Встреча П.К.Козлова с Далай-ламой в Урге».

роль советника по Монголии. Об этом свидетельствует его «Программа выступления о торговом значении и политическом положении Монголии»¹⁵, которая хранится в АРГО. Программа была подготовлена для доклада на особом совещании по обороне государства (к сожалению, год выступления точно неизвестен, по отметкам архивного дела получается 1915 год или 1916 год). Оттуда мы можем исчерпнуть, что его представления о Монголии и её международном положении, были очень чётки. В программе автор выделяет следующие пункты:

1. Стремление китайцев колонизировать Монголию, создать противовес Сибири.
2. Уделяя скотоводству Монголии большое внимание, делает приблизительный подсчёт голов скота в Халхе (Внешняя Монголия): баранов – 20 млн., крупного рогатого скота – 10 млн., лошадей – 7 млн., верблюдов – 0,5 млн. голов.
3. Иркутский генерал-губернатор для общего регулирования должен иметь опытное лицо для командировок и выяснения общего положения.
4. Пришла пора русским использовать научные сведения страны на практике.
5. Взоры монголов должны навсегда остановиться на севере – на России.
6. Монголия – будущий лучший буфер среди нас и Китая, которая пробудилась от многовекового покоя.
7. Япония быстро воспринимает европейскую цивилизацию – технику военного дела.
8. Маньчжурия скоро превратится в сплошной военный оазис на фоне земледельческой культуры.
9. Едва погаснет огонь на кровавом Западе, как быстро возгорится на Востоке. И завершается программа следующими словами автора, что «я не думаю, чтобы трудно было согласиться с моими предположениям».

И действительно, трудно не согласиться с ним. Из его тезисов становится очевидным, что Монголия играет важную роль для России в качестве буфера Китая. Если до развала Цинской империи и провозглашения независимости Монголии 1911 года, мы не встречаем в исследованиях русского военного востоковеда откровенного заявления по отношению к Монголии, как буферной территории или «буферного государства», то после 1911 года – это понятие стало широко употребляться. Это связано с возникновением предполагаемой опасности со стороны Китая или «опасности жёлтой расы». Но в работах военных представителей, например, Куропаткина (1848-1925, генерал от инфантерии, бывший военный министр) и Кушелёва (1881-?, штабс-капитан, участник экспедиции в Монголию 1911 г.) речь идёт не только о создании «буфера», но ещё и о присоединении к России Северной

---

¹⁵ Там же. оп.1., д. 91. «К докладу в особом совещании по обороне государства»

Монголии. Известный сибирский монголовед Даревская определяет их как представителей «крайне-правых» и пишет, что они были сторонниками агрессивной, авантюрной, реваншистской политики на Дальнем Востоке, предлагали воспользоваться «благоприятными условиями» для присоединения Монголии к России.¹⁶ По Куропаткину граница России на материковой Азии должна была выглядеть следующим образом: «Направление границы от горы Хан-Тенгри на западе к порту Владивосток на востоке наиболее отвечает интересам России. При этом начертании северные части Маньчжурии, Монголии и Синьцзянской провинции отойдут в сферу владения или влияния России, а пустыня Гоби отделит Россию от Китая»¹⁷.

В целом, русские военные специалисты делят Монголию в географическом плане на Внешнюю (Халха, Барга, Кобдо, Кукунурские монголы) и Внутреннюю (восточные и южные княжества). Например, на «Карте Китая и Кореи», изданной штабом Заамурского округа, Монголию делят в соответствии с административным делением Цинской империи на 4-аймака в Халхе и Кобдо (Западная Монголия) и многочисленные сеймы, которые находятся во Внутренней Монголии.¹⁸ На приложенной карте чётко обозначены и показаны границы и месторасположения территориальных владений этих административных единиц. Следовательно, русские военные уже в 1906 году имели чёткое целостное географическое представление о территориях Внешней и Внутренней Монголии. А насчёт Урянхайского края упоминается, что это территория, которая занимает место в северном районе Халха и граничит с Томской, Енисейской и Иркутской губерниями и отчасти Забайкальской областью.¹⁹ А после провозглашения независимости Монголии, а также после развала Цинской империи на картах начали обозначать Урянхайский край отдельным районом, чётко обозначив границы территориальных владений Внешней Монголии от остальных территорий, где проживали монгольские племена. Отсюда мы видим, что географическое представление о Монголии у военных кругов России за этот период существенно изменилось. Эти изменения на карте явились отражением событий, которые происходили вокруг территориальных владений Внешней Монголии, в которых Российская империя являлась главным действующим лицом. Но главные события в основном происходили не на поле битвы, а происходили на «шахматной доске»

---

¹⁶ Даревская Е.М. Указ.соч. стр.263-264.

¹⁷ Куропаткин А. Н. Указ.соч.стр.195.

¹⁸ Первые большие маневры Китайской армии в октябре 1905 г. изд. штаба войск Дальнего Востока. Харбин, 1906.

¹⁹ Там же.стр.39.

дипломатов, результатом которых явились русско-японские договоры 1910, 1912 годов, русско-монгольское соглашения 1912 года, русско-китайская декларация 1913 года о признании Китаем автономии Внешней Монголии и завершающим этапом дипломатической эпопеи стал Трёхсторонний договор Кяхты 1915 года. Может по этой причине «русское военное монголоведение» осталось в тени. Но благодаря усилиям русских военных востоковедов, Российская империя не только не выпускала из виду Монголию, но и достигла главной цели, которая состояла в создании надежного «буфера» для сибирских рубежей Российской империи, где находился жизненно важный путь для Российской империи и, в том числе, для Дальнего Востока – Транссибирская железнодорожная магистраль.

2. Как изучали военные круги Японии Монголию?

В целом, интерес Японской армии в рассматриваемый период был прикован прежде всего к Маньчжурии и Восточной Монголии, так как после договоренности с Россией эти районы находились под влиянием Японии. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и исследования, сохранившиеся и по сей день. Например, «Обзорный атлас о положении Маньчжурии и Восточной Монголии с военной точки зрения»²⁰, который хранится ныне в библиотеке Хоккайдского университета. В атласе содержится множество ценной информации с чисто военной точки зрения: резервы продовольствий и угля, которые требовались для обеспечения крупной военной силы в этом регионе.

Но после 1911 года, иначе говоря после провозглашения независимости Монголии, события, происходившие во Внешней Монголии, стали вызывать серьезную тревогу со стороны Японии. Это было обусловлено, на взгляд автора, двумя факторами. Во-первых, активная деятельность Российской империи по отношению к Монголии вызывала определенную тревогу и сомнения со стороны Японской империи, хотя Внешняя Монголия и считалась сферой влияния Российской империи. Во-вторых, движение за единое независимое государство, «затеянное» монгольским руководством, вышло далеко за пределы Внешней Монголии. О ходе военных столкновений между объединенными войсками Монголии и Китая, которые происходили на территории Внутренней Монголии, постоянно докладывали военные атташе из дипломатических представительств Японии. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения и обзоры Генштаба японской армии. Опасения и тревоги военных кругов Японии вполне оправдались,

---

²⁰ 関東都督府編『軍事上より視察したる満蒙—一般状態図表』旅順、1913年。(Обзорный атлас о положении Маньчжурии и Восточной Монголии с военной точки зрения. Сост. Квантунская военная администрация. Люйшунь (Порт-Артур), 1913. на японс.)

так как в действующих монгольских военных частях находились русские военные инструкторы, которые обучали войска. Все это привело к принятию решения, которое в любом случае было необходимым: детально изучить и собрать информацию о Монголии.

Об интересах, которые проявляли военные круги Японии по отношению к Монголии, упоминается в фундаментальном труде «Квантунская армия», составленного военными историками Японии.²¹ Там упомянуто, что с началом русско-японской войны Япония стала уделять большое внимание Монголии и Западной части Цинской империи. Свидетельством этого является отправка группы молодых выпускников университета «Тоа-добун-сёин» для изучения деятельности Российской империи на материковую часть северо-восточной Азии. Отправка исследователей была обусловлена еще и тем, что после русско-японской войны перед Японией назревала «материковая проблема», то есть раздел сфер влияния на материковой части Азии. Уже в марте 1905 года, глава японского дипломатического ведомства Японии Комура Дзютаро, согласовавшись с командующими сухопутными войсками Японии, отправляет молодых специалистов по следующим направлениям: Урга, Улясутай, Кобдо, Урумчи и Кульджи. Они отправляются из Токио в мае 1905 года и двое из них возвращаются летом и зимой 1906 года, остальные члены группы возвращаются весной и летом 1907 года. При этом составители «Квантунской армии» ссылаются на материалы лекций генерала-лейтенанта Тани Хисао, прочитанных в Военной академии сухопутных войск Японии в 1929 году. Но подробности и результаты исследований не упоминаются в указанном труде.

Однако, в связи с отправкой этой группы исследователей на материк, хочется указать на одно совпадение, которое непременно вызывает интерес. В архиве МИД Японии хранятся отчёты выпускников того же университета «Тоа-добун-сёин», которые были отправлены в то время для исследования вышеназванных районов Внешней Монголии и Западной части Цинской империи.²² Если речь идёт об одной и той же исследовательской экспедиции, благодаря существованию отчётов исследователей, можно сказать, что известны и результаты исследований. Каждый член экспедиционной группы после своего возвращения в Японию составляет обширный отчёт, где наряду с общими сведениями о тех или иных районах, дает подробное изложение путей сообщения, торгово-экономического положения,

---

²¹ 防衛庁防衛研究所戦史部編『関東軍<1>』朝雲新聞社、1969年、59頁。(НИИ Управления обороны Японии. Квантунская армия. Т.1. Токио, 1969, стр.59. на японск.)

²² 外務省外交史料館、1-6-1-23、蒙古辺境視察員派遣一件。(Архив МИД Японии, 1.6.1.23.«Дело об отправке группы исследователей в Монголию и в сопредельные с ней территории». на японск.)

внутриполитической ситуации и т.д. Далее, исследователи, на основе сделанных наблюдений, рассматривают вопросы взаимоотношений местного населения с русскими и китайцами, их мировоззрения. Таким образом, в результате проведенных на месте исследований, у дипломатических и военных кругов Японии уже сложилось свое представление о Монголии и сопредельных с ней территорий.

Из вышесказанного мы можем предположить, что, во-первых, географическая область исследования охватывала почти всю территорию Внешней Монголии того времени; во-вторых, несмотря на то, что члены группы являлись гражданскими лицами, само исследование наряду с общим характером, носило еще и военный характер; и, в-третьих, существовало взаимодействие между МИД Японии и Генштабом японской армии. Но в дальнейшем сбор материалов и информации о Внешней и Внутренней Монголии проводится уже самими военными специалистами. В основном, сведения о Монголии концентрировались в Генеральном штабе Японской армии. А Генштаб, в свою очередь, обрабатывал и составлял обширный обзор всех поступающих разведанных и донесений от военных атташе из дипломатических представительств Японии, находившихся в Российской и Цинской империях и непосредственно занимавшихся сбором информации о Монголии. Такие донесения и обзоры в основном собраны в «Деле о провозглашении независимости Монголии и административных требованиях к правительству Цинь» из архива МИД Японии.²³ В соответствии с этим документом, руководители военного и дипломатического ведомства Японии того времени имели достаточно хорошее представление о ходе событий, происходивших во Внешней Монголии. Об этом свидетельствуют сообщения от 28 декабря 1911 года из Харбина, подготовленные майором Идзомэ, в которых говорится, что во время встречи с Цинским амбаном Сандо были получены подробные сведения о начале движения независимости монголов. Там же отмечается, что были получены сведения о том, что инициаторами данного движения стали Сайн ноён Ханддорж и Да лам Цэрэнчимэд, которые возглавили его после своего возвращения из России, а также о том, что в Урге были расквартированы 300 русских кавалеристов. Далее сообщалось, что руководители монгольского движения за независимость всячески избегали и отказывались от встреч с представителем Цинской империи в Монголии амбаном Сандо, ссылаясь на болезнь или недомогание, в то время как они сами или их представители поддерживали постоянный контакт с русским консульством в Урге.

---

²³ 外務省外交史料館、1-6-1-56、清国革命動乱の際蒙古独立宣言並びに清国政府に対し行政に関する要求一件。(Архив МИД Японии, 1.6.1.56. «Дело о провозглашении независимости Монголии и административные требования к правительству Цинь»)

Эти же сообщения были включены и в доклад Генерального штаба от 13 января 1912 года, переправленные впоследствии в МИД Японии.

Также важным источником информации о Монголии являлись разведданные, поступавшие от агентурных сетей Японии, в том числе от военной разведки. В отличие от русских военных, которые почти свободно действовали на территории Монголии, японским военным все-таки требовались усилия для того, чтобы добыть ценную информацию о Монголии. О разведывательной деятельности японских военных российский историк Кузьмин пишет следующим образом, основываясь на архивных документах Госархива Иркутской области: «В документах военной разведки сообщаются данные об открытии и действиях отделений японской разведки, сотрудники которых владеют китайским, а некоторые – монгольским и русским языками». ²⁴ Из архивных документов становится ясным, что, в основном, японские разведчики работали под видом врачей и торговцев. Начальник штаба ЗОПС Влодченко в своем отчете отмечает, что «японцами тратится много средств и труда на изучение Маньчжурии и Монголии». Далее также сообщается, что «конечным результатом разведки Японии является не только экономическое завоевание Маньчжурии, отчасти и Монголии, но и ознакомление с возможным в будущем театром войны». А о конкретных случаях разведки мы можем узнать из статьи японского монголоведа Наками Тацуо, где он упоминает о японском агенте Миядзато Ёсимато, который под видом фармацевта проводил свою деятельность в Хайларе и поддерживал связи с Бавуужавом, который являлся одним из лидеров национально-освободительного движения во Внутренней Монголии. ²⁵ Однако в большинстве случаев, в архивах хранятся много разведданных, но информации, позволяющей создать целостную картину о деятельности военной разведки Японии, очень мало. Например, очень много разведданных содержится в деле «Сведения о Монголии», которое состоит из регулярных сообщений и донесений о положении Монголии. ²⁶

В 5-м томе дела «Сведения о Монголии» есть большой обзор под заглавием «Монгольский вопрос: ход и развитие», подготовленный Генштабом Японии в январе 1914 года. В заключительной части данного обзора говорится, что независимость Монголии стала возможна благодаря тому, что за ней стояла Россия,

---

²⁴ Кузьмин Ю.В. Японские авторы о путях сближения японской и монгольской культур в начале XX в. // Сибирский архив. Иркутск, 2000. стр.45-48.

²⁵ Nakami Tatsuo, "Babujab and His Uprising: Re-examining the Inner Mongol Struggle for Independence," *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, № 57. (Tokyo: The Toyo Bunko, 1999), pp. 137-153.

²⁶ 外務省外交史料館、1-6-1-57、蒙古情報、第一卷~第八卷。(Архив МИД Японии,1.6.1.57. «Сведения о Монголии» Т.1-Т.8.)

ее сильная поддержка. Также говорилось, что план царской России по расширению своих земельных владений на Дальнем Востоке провалился из-за поражения в русско-японской войне и поэтому она стремится восполнить этот промах за счет расширения своего влияния на других территориях. Первым шагом к этому послужила поддержка движения за провозглашение независимости Внешней Монголии. Также указывалось, что по слухам Россия строит планы для того, чтобы обеспечить безопасность путей сообщения Сибири с Дальним Востоком до Владивостока, где Монголии отводилась роль буферной зоны, что и явилось основополагающей причиной для оказания Россией поддержки Монголии.

Заключение

Вышеуказанные результаты исследований военных представителей России и Японии в большинстве случаев не становились предметом широкого обсуждения в русском или японском обществах, тем не менее бесспорно являясь ценным источником информации и служа веским основанием для принятия центральными органами адекватных политических решений. Хотя цели их работы прежде всего диктовались геополитическими целями Российской и Японской империй, которые соперничали на материковой части Азии.

Как уже выше сказано, в результате деятельности военных востоковедов России, несмотря на их цели, создавались интереснейшие научные труды о Монголии.

Русские военные востоковеды не только изучали Монголию, но и сами принимали непосредственное участие в выполнении конкретных задач, которые в той или иной мере касались будущего Монголии.

Конкретно о представлениях военных кругов Японии и России о Монголии можно сказать, что Монголия являлась для них прежде всего «территорией пересечения их интересов». Дальнейший ход истории доказал правоту Козлова, который предсказал войну на Востоке, где пересекались интересы Японии и России.

Данное исследование находится на начальном этапе и в дальнейшем предстоит сделать сбор и анализ архивных документов и периодической печати. Тем самым необходимо сделать углубленный анализ и ввести в научный оборот ранее неопубликованные японские первоисточники, которые относятся к деятельности японских военных по изучению Монголии.